

Исследования общественного мнения в демократической ретроспективе и перспективе

ДОКТОРОВ Б. З. (2013). ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: США И РОССИЯ.
ЕКАТЕРИНБУРГ: УРФУ. 212 С. ISBN 978-5-8295-0223-2

Александр Никулин

Кандидат экономических наук, руководитель Центра аграрных исследований РАНХиГС
Адрес: пр. Вернадского, д. 82, стр. 1, Москва, Российская Федерация 119571
E-mail: harmina@yandex.ru

Борис Докторов — замечательный российский социолог, живущий в настоящее время в США, плодотворно работает в области истории социологии России и Америки. Достаточно сослаться лишь на несколько наиболее известных книг ученого, чтобы представить масштабы и тщательность проделанной им интеллектуальной работы¹.

Рецензируемое учебное пособие, с одной стороны, представляет собой сжатый пропедевтический конспект чрезвычайно обширной историко-социологической американо-российской темы с четкой постановкой ключевых вопросов для каждой лекции, увлекательным и доступным изложением, сжатыми, емкими выводами, обобщениями в конце каждой лекции, обширным списком литературы. С другой стороны, здесь раскрывается собственное мировоззренческое и научное кредо автора, связанное с безусловным утверждением исторической преемственности и современного развития изучения общественного мнения как органической составляющей демократического образа жизни. Наконец, для Докторова важен личностный импульс в истории изучения общественного мнения и демократической политической системы. Вот почему хронология его курса, состоящего из шести лекций, разделена на исторические этапы: догэллаповский, гэллаповский, постгэллаповский, сконцентрированная вокруг имени выдающегося американского исследователя общественного мнения Джорджа Гэллапа. А последняя глава кур-

© Никулин А. М., 2015

© Центр фундаментальной социологии, 2015

1. Докторов Б. З. (2006). Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М.: ЦСП; Он же. (2008). Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения. Судьбы творцов. М.: ЦСП; Он же. (2011). Джордж Гэллап: биография и судьба. М.: Полиграф-Информ; Он же. (2011). Явление Барака Обамы: социологические наблюдения. М.: Европа; Он же. (2013). Современная российская социология: история в биографиях и биографии в истории. СПб.: ЕУСПб; Он же. (2014). Гиганты американской рекламы. Екатеринбург: УрФУ; Он же. (2014). Все мы вышли из «грузинской шинели»: к 85-летию со дня рождения Б. А. Грушина. М.: Радуга.

са — об изучении общественного мнения в России во многом связана с наследием замечательного российского социолога Бориса Грушина.

В первой лекции «Догэллаповский этап в изучении общественного мнения» автор утверждает, что этот этап коренится во временах освоения Нового Света и продолжается до середины 1930-х гг. Таким образом, практика изучения американского общественного мнения стала складываться еще до образования Соединенных Штатов как таковых, в самой общественно-политической жизни ее первых коммьюнити, уже обладавших базовой формой американской демократии — городским собранием (town meeting).

На рубеже XVII–XVIII вв. в США заявила о себе и свободная пресса, внесшая значительный вклад в формирование американского образа жизни. Именно пресса с начала XIX века стала целенаправленно вырабатывать технологии «соломенных опросов» с их традицией опубликования распределения мнений электората. А комментирование этой статистики фактически имело значение прогноза.

В конце XIX века Джеймс Брайс первым высказал предположение о существовании особой формы демократии в Америке, основанной на общественном мнении, которое стремилось проявить себя в референдумах, несмотря на все трудности их проведения в стране с огромной территорией.

В начале XX века в США возникла проблема измерения эффективности влияния на американцев рекламы. Появилась целая плеяда замечательных исследователей, разрабатывавших методы опроса населения в связи с изучением потребительских установок.

Конstellляция традиций городского собрания, бытования свободной прессы, стремление к референдумам и, наконец, успехи методов разработки рекламы — все это исподволь привело в 1930-е гг. к формированию социального заказа на проведение электоральных опросов общественного мнения, связанных с наивысшими достижениями в практике «соломенных опросов» еженедельника «Literary Digest» и такими именами первопроходцев в этой области, как Чарльз Парлин, Дэниел Старч, Эдвард Стронг, Генри Линк.

Во второй главе «Гэллаповский этап» показано, как в 1936 году, в связи с очередными выборами президента США, Джордж Гэллап, Элмо Роупер, Арчибальд Кроссли и Хэдли Кэнтрил совершили настоящий прорыв в изучении электорального общественного мнения. Все вышеупомянутые аналитики, по мнению Докторова, воспринимали ремесло изучения общественного мнения как совершенствование американской демократии.

В 1936, 1940 и 1944 гг. успешные предсказания Гэллапом, Роупером и Кроссли особенностей электоральных побед Франклина Рузвельта закрепили уверенность в эффективности новой опросной технологии. При этом, с одной стороны, знаменитое фиаско Гэллапа 1948 года вызвало сомнение в возможностях эффективной работы с ограниченными выборками, с другой стороны, оно же заставило полстерское сообщество тщательно анализировать детали опросной технологии, по-

вышая качество измерения установок. В это же время шло активное формирование самого полстерского сообщества, его инфраструктуры.

В 1940-е гг., опираясь на историко-социологическую интуицию и высокий профессионализм в формулировке вопросов интервью, Гэллап заложил основы динамического изучения общественного мнения.

Докторов приводит красноречивое объяснение опытнейшего полстера Бада Роупера о сути достижений Гэллапа: «Конечно... сегодня мы могли бы написать вопрос лучше, чем Гэллап сделал это десять лет назад. Мы постоянно совершенствовали наши вопросы, тогда как Гэллап чеканил один и тот же вопрос год за годом. И в итоге (я наконец-то это понял) Гэллап имеет большинство данных в динамике — неоценимые тренды!» (с. 76). Совокупность методов сбора и анализа данных об общественном мнении, а также приемов организации опросов стали складываться в своеобразную саморазвивающуюся систему.

Автор величает Джорджа Гэллапа апостолом демократии, подчеркивая, что в ряде стран мира, например, в Скандинавии, слово «гэллап» стало синонимом слова «опрос». Метафорически обращаясь к наследию Владимира Маяковского, можно заметить, что, если для датчан и «прочих шведов» «гэллап» означает просто «опрос», то Докторов наверняка согласился бы с такой фразой: «Мы говорим — Гэллап, подразумеваем — демократия, мы говорим — демократия, подразумеваем — Гэллап».

Впрочем, в данной главе кроме интеллектуального наследия Гэллапа и ряда его современников, Докторов уделяет достаточно внимания и новациям второй половины XX века в организации и технике опросов, связанным с разработкой региональных опросов Джо Белдена, схем телефонного опроса Джозефа Ваксберга, изобретению exit poll Уоррена Митофски.

Особое место в книге занимает третья лекция «Изучение электората в двух последних кампаниях по выборам президента», сконцентрированная на специфике анализа «остро современного» в историческом исследовании. Здесь анализируются феномен современных «соломенных выборов» в городке Эймс, так называемый казус Санторума, исследование общественного мнения непосредственно в ожидании победителя, а также относительная неудача в прогнозах итогов президентских выборов 2012 года организации Гэллапа.

Разнообразный и подробный аналитический материал об особенностях президентских выборов 2012 года Докторов обобщает в следующем выводе. Изучение настоящего сквозь прошлое — это «не некое идеальное представление о том, как должен строиться научный анализ текущих событий, но важный элемент реальной практики современных американских исследователей общественного мнения» (с. 100).

Электоральное прошлое и настоящее существуют не сами по себе, они соединены методологическими поисками совершенствования опросных технологий. Например, результаты современных республиканских «соломенных выборов» в Эймсе интересны и политологам, и историкам, и полстерам. Все они решают общую

задачу: нахождение детерминант предвыборной борьбы и ее влияния на избрание главы Белого дома.

Отмечая, что в 2012 году выборка Гэллага оказалась не самой точной, напоминая о горьких уроках ошибки 1948 года, Докторов подчеркивает, что Гэллапу еще предстоит борьба за восстановление лидерства в области опросных технологий.

В четвертой лекции «Прогнозирование итогов президентских выборов» рассматриваются элементы типологии прогнозов, обосновывается актуальность методологического наследия замечательного американско-финского аналитика общественного мнения 1920–1930-х гг. Эмилия Хурьи, его агрегационной технологии прогнозирования. Из современных прогнозных технологий анализируются архитектура электоральных прогнозов Пола Перри, «13 ключей к Белому дому» Алана Лихтмана и прогнозы Нэйта Сильвера.

Пятая лекция «Вступая в постгэллаговский этап» посвящена ответам на вопросы о характерных особенностях постгэллаговских опросных методов. По мнению Докторов, кроме традиционного стремления к повышению надежности результатов измерения и активизации практики изучения мнений, установок, суждений населения, современные техники случайных ответов и опросов обогащенного общественного мнения для респондента делают более комфортной как среду, так и процедуру опроса. Создаются условия, при которых респонденты честнее и искреннее отвечают на сложные, сенситивные для них вопросы, связанные, например, с религиозными убеждениями, сексуальной ориентацией, отношением к «нашим» и «не нашим». В итоге возрастают шансы получать данные, не слишком «зашумленные» «социально желательными» ответами.

Тем временем онлайн-опросы и киберопросы, благодаря своей низкой стоимости и возможности перманентного мониторинга общественного мнения, ведут к дальнейшему повышению частоты измерения мнений, а значит, и повышению вероятности участия в опросах каждого взрослого американца.

Докторов дает и собственный, достаточно развернутый, футуристический (но поверяемый логикой имеющегося историко-социологического знания) прогноз на будущее развитие технологий опросов общественного мнения в Америке:

«Сейчас в общих чертах можно представить, как будут организованы электоральные опросы в период президентской избирательной кампании 2016 г.: роль „живых“ телефонных опросов уменьшится, значение онлайн-опросов и киберопросов возрастет... А что будет в середине XXI века, скажем, в период выборов президента США в 2052 г.? Это будет десятая после последней завершившейся избирательной кампании 2012 г. Чтобы понять, можно ли с уверенностью ответить на поставленный вопрос, давайте „отмотаем“ столько же лет назад... мы окажемся в 1976 г. Опросов проводилось мало, доминировал метод личного интервью, телефонное интервью делалось без компьютерной поддержки, широко применялся почтовый опрос. Естественно, никто не мог предположить, что в начале 2010-х гг. на смену этим методам сбора данных придут компьютерно-телефонные технологии, онлайн-опросы и другие изощренные схемы изучения мнений. Я думаю, что и в 2052 г.

большинство опросов будет проводиться с помощью технологий, которые сейчас мы не можем даже вообразить. Это будет уже не постгэллаповский этап, а нечто другое. А то, что мы обсуждаем сейчас, будет казаться далеким прошлым. Это — нормально. Такова история...» (с.153).

Последняя — шестая лекция книги посвящена истории изучения общественного мнения в России, которое формально, по мнению Докторова, восходит к переводам на русский язык книги немецкого ученого Франца фон Гольцендорфа «Роль общественного мнения в государственной жизни» (1881). Впрочем, отмечается далее, изначальное немецкое интеллектуальное влияние было дополнено влиянием и англо-американским благодаря переводу и изданию книги лорда Джеймса Брайса «Американская республика» (1889).

Докторов обоснованно считает, что термин «общественное мнение» был и до этих иностранных переводов достаточно известен в России, по крайней мере, уже при А. С. Пушкине, который в письме к Чаадаеву отмечал, что в современном ему обществе «отсутствует общественное мнение и господствует равнодушие к долгу, справедливости, праву, истине...» (с. 159).

Личностный аспект изучения общественного мнения в России не менее важен, чем в США. Так, для Докторова в истории изучения национального общественного мнения американскому феномену Джорджа Гэллапа вполне соответствует феномен советского социолога Бориса Грушина. Именно Грушин первым в СССР организовал Институт общественного мнения при газете «Комсомольская правда» и провел первый опрос общественного мнения в мае 1960 года.

Излагая далее историю изучения общественного мнения в России/СССР, Докторов в основном ориентируется на воспроизведение и комментирование соответствующей исторической периодизации разработанной В. А. Мансуровым и Е. С. Петренко.

В заключение автор самокритично отмечает, что последняя лекция курса — «не рассказ о том, как в России/СССР/России зарождался интерес к изучению общественного мнения и как на протяжении длительного времени складывалась методология и практика опросов. Это — введение в будущее историческое исследование...» (с. 177).

Подводя итог обзору лекционного курса Докторова, необходимо остановиться на ряде авторских мировоззренческих доминант, детерминирующих как теоретико-методологическое, так и культурно-историческое изложение книги.

Во-первых, автор — безусловный оптимист, верящий в развитие некоего естественно положительного порядка демократического хода дел как в США, так и во всем мире от прошлого к настоящему и будущему, разумеется, при неуклонном совершенствовании изучения общественного мнения. Он заявляет, что его «видение будущего базируется на презумпции исторического оптимизма», и далее говорит: «Я верю в то, что демократия в мире будет расширяться и углубляться, голос

общественности усиливаться, а социальная значимость надежной информации о состоянии общественного мнения возрастать» (с. 157).

Хорошо, что в наши скептические времена озвучиваются такие долговременно благоприятные перспективы. Проблема в том, что (мы думаем, тут Борис Докторов согласился бы с нами) самой демократии и ее общественному мнению со всеми процедурами соответствующих референдумов внутренне присущи невероятно драматические противоречия, заставившие в свое время Уинстона Черчилля отшутиться по поводу всякого рода «демократических оптимизмов»: «Демократия — наихудшая форма правления, если не считать всех остальных».

К сожалению, феномен особенностей наихудших форм демократических волеизъявлений как в Америке, так и в России, часто связанный с поразительными заблуждениями общественного мнения, почти выпал из изложения данного лекционного курса.

На наш взгляд, Докторов совершенно верно связывает проблему свободы общественного мнения в России с именем А. С. Пушкина, которого общественное мнение — мнение народное, как известно, страшно волновало и которое он фактически поставил в центр таких исторических сочинений как «Борис Годунов» и «История пугачевского бунта». Но насколько неоднозначно трагична историческая хроника народного волеизъявления в пушкинских текстах!

Задолго до Докторова, возводящего изучение мощи демократического волеизъявления к общественным референдумам Новой Англии XVII века, Пушкин отмечал его в следующем монологе из «Бориса Годунова»:

Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою подмогой,
А мнением; да! мнением народным.

Опираясь, на мощь этого мнения, лжедемократический Лжедмитрий вскоре одержал убедительную победу на соответствующем кремлевском референдуме, после чего это мнение забезмолвствовало...

А далее Пушкин с горечью констатировал, что судьбоносный народный референдум в России может обернуться бессмысленным и беспощадным бунтом...

В некоторых исторически кризисных ситуациях, связанных, например, с борьбой за национальную независимость, размышляя над случайностями общественно-исторического выбора (а «случай, — как известно, по Пушкину, — Бог — изобретатель»), Александр Сергеевич оценивал динамику колебаний общественного мнения в 1812–1814 гг. в амплитуде от «остервенения народа» — до «понижения его ропота» в результате непостижимого промысла все того же казуса «российского случая — силы вещей — русского бога». Приведу два четверостишия:

Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?

*Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?*

*Но бог помог — стал ротом ниже,
И скоро силою вещей
Мы очутились в Париже,
А русский царь главой царей.*

Кто-то может возразить, что, подобно упоминаемым Докторовым старомодным американским «протосоломенным опросам», мы описываем пушкинские упоминания старинных «прото-демократических волеизъявлений». Но мы просто следовали историко-социологической логике Докторова, призывавшего к бережному изучению особенностей исторических корней национальных демократий.

За неимением времени упомянем лишь еще несколько казусов демократических референдумов — торжеств общественного мнения в истории России/СССР: 1917 — казус демократического Учредительного собрания; 1936 — казус принятия самой демократической Конституции в мире (как раз в год торжества опросной методологии Гэллага в США); 1991 — казус референдума о сохранении СССР; казусы процедур управляемой демократии в России XXI века...

Теперь о личностном феномене, которому Докторов уделяет заслуженно пристальное внимание — о Борисе Грушине. Характеризуя Грушина, Докторов наделяет его неуловимыми чертами пушкинского свободного гения: «На мой взгляд, Грушин не был ни „красным“, ни „белым“, ни левым, ни правым, ни либералом, ни консерватором, ни русофилом, ни западником, ни пессимистом, ни оптимистом. Он старался быть совершенно свободным, у него была своя цель в жизни и своя дорога. Грушин никогда не включался ни в какие политические сюжеты — даже если речь шла о Сахарове или об „уходе“ в диссиденты. Когда ему предлагали это, он отвечал, что у него „есть работа на собственном поле“» (с. 165).

Как известно, Грушин написал несколько книг, посвященных теории и истории опросов общественного мнения. Но и в грушинских исследованиях (подобно пушкинским наблюдениям) не оптимизм, но драматизм пронизывает авторскую историю российского общественного мнения².

Все же и в самой книге Б. З. Докторова, несмотря на весь ее демократический оптимизм, безусловно, проступает проблематика драмы загадочности изучения и понимания опросов общественного мнения. Свидетельством тому — его особенно пристальное внимание к истории ошибок в прогнозах и результатах опросов общественного мнения в США.

2. Грушин Б. А. (1967). Мнения о мире и мир мнений. М.: Изд-во политической литературы; *Он же.* (1987). Массовое сознание. М.: Политиздат; *Он же.* (2001). Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь 1-я: Эпоха Хрущева. М.: Прогресс-Традиция; *Он же.* (2003). Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь 2-я: Эпоха Брежнева. Часть 1. М.: Прогресс-Традиция; *Он же.* (2006). Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь 2-я: Эпоха Брежнева. Часть 2. М.: Прогресс-Традиция.

Сильной стороной книги является внимание автора к исследованию значения региональности и локальности общественного мнения для итогов общенациональных референдумов в США. Читатель действительно узнает много интересного о том, как общественное мнение региональных «одноэтажных» Америк различных американских штатов в конечном счете определяет исход борьбы за американское общенациональное политическое лидерство.

Наконец, надо отметить безусловное значение историцизма как методологического принципа книги, например, явно проступающего в анализе значения «соломенных опросов» в США, когда автор виртуозно прослеживает переменчивую эволюцию границ между «соломенным» и «научным» в опросах американского общественного мнения. Того самого общественного мнения, которое, страхуя себя от пучины рисков демократических волеизъявлений, хватается за научную обработку соломинок гражданских мнений по правилу извечной житейской мудрости: «Знал бы, где упал, так соломки бы подстелил».

Public Opinion Surveys from Democratic Retrospective and Perspective

Alexander Nikulin

Director of the Center for Agrarian Studies, Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Address: Prospect Vernadskogo, 82, Moscow, Russian Federation 119571

E-mail: harmina@yandex.ru

Review: *Lekcii po istorii izuchenija obshhestvennogo mnenija: USA i Russia* [Lectures on the History of Public Opinion Studies: USA and Russia] by Boris Doktorov (Ekaterinburg: URFU, 2013) (in Russian)